

"Тень Императора (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

mir-knigi.org

Андрей Мартьянов

Тень Императора

Ах эта летящая в тучах луна
- Таинственный свет неземной!
Кого-то покоя лишает она,
А мне вот не нужен покой.
Кому-то движение кажется злом,
И жаждет уюта душа.
А мне так - подайте коня под седлом,
Ведь жизнь лишь в пути хороша!
Коль нету коня - и корабль подойдет,
Я крылья люблю парусов.
По бурному морю отправлюсь в полет
За птицами дальних лесов.
За хлопком, пшеницей, за медной рудой,
За жемчугом северных рек,
За тем, чтобы крови кипучей, густой
Почувствовать радостный бег.
Дороги зовут за поля, за моря,
В бескрайний разлет облаков.
И нет лучших слов, чем: "Поднять якоря!"
И песни звенящих подков...

Глава первая.

Змееловы

По утрам император Кешо любил работать в Зале Алых Цапель. По утрам он бывал особенно раздражителен, и вид похожих на черное зеркало вод занимавшего половину зала бассейна, в котором цвели белые лилии и плавали ленивые золотисто-красные рыбки, действовал на него успокаивающе и умиротворяюще. Время от времени он прерывал доклад секретаря, ударяя длинной палочкой в серебряный гонг, и, подождав, пока рыбешки, размером с ладонь, словно выкованные из червонного золота, подплывут к краю бассейна, кидал им несколько щепоток сушеного мотыля из стоящей перед ним маронговой шкатулки, декорированной накладными решеточками из пожелтевшей слоновой кости.

Говорят, предшественник Кешо - император Димдиго, содержал трех алых цапель и получал удовольствие, наблюдая за тем, как те охотились за золотисто-красными рыбками. Стены зала до сих пор украшали искусные изображения алых цапель, бродящих по заросшему тростником болоту, но у Бибихнора Кешо никогда не возникало желания иметь во дворце этих непревзойденных охотниц за рыбами и лягушками. Что бы ни болтали о нем злые языки, он вовсе не был жестоким. Во всяком случае, не был жесток без необходимости и, слушая доклад Чхолата о том, что в Пиете закончено формирование двух очередных дромад копейщиков, был далек от того, чтобы потирать руки от удовольствия. Разумеется, грядущая война с Саккаремом была неизбежна и его не могло не радовать, что подготовка к ней идет полным ходом, однако из этого ещё не следовало, что ему не давали спать лавры завоевателя. Нет-нет, будь на то его воля, он предпочел бы наслаждаться прелестями мирной жизни, но проклятая казна оскудевала с прямо-таки катастрофической быстротой, и все попытки наполнить её, не прибегая к грабежу соседей, оканчивались неудачами и лишь усугубляли бедственное

положение дел...

- О, несравненный, Амаша просит тебя принять его, - доложил Хранитель императорских покоев, с низким поклоном возникая на пороге зала.

Секретарь поморщился, Кешо, вздохнув, сделал ему знак подождать в приемной и потянулся за покрытыми воском памятными дощечками, на которых записывал то, что не желал доверять бумаге.

Начальник тайного имперского сыска был невысоким, чрезвычайно толстым мужчиной с плоским одутловатым лицом и резким пронзительным голосом, от которого у Кешо начинало порой отчаянно свербеть в ушах. Подобно большинству своих подданных, он не любил Амашу, за коим прочно укрепилось прозвище Душегуб, но, будучи человеком здравомыслящим, не мог не признавать его выдающихся способностей и потому скрепя сердце терпел подле себя. Более того, осыпал милостями и всевозможными знаками внимания, стремясь тем самым скрасить неприязнь, которую не мог ни перебороть, ни даже скрыть. Попытаться скрыть её от такого пронзительного человека было бы, впрочем, пустой тратой сил, награды же Душегуб получал заслуженно и, зная, что к числу любимцев императора не принадлежит, без особых причин на глаза ему старался не попадаться.

Кешо поджал губы и нахмурился: коли уж Амаша решил прервать доклад Чхолата и предстать перед ним с утра пораньше, стало быть, новости у него отменно скверные. А этого добра - видит Тахмаанг! - у них и без того хоть отбавляй, так что проявлять в данном случае прить было совершенно ни к чему. Ежели, конечно, Амаша не получает извращенное удовольствие от возможности лишней раз досадить своему повелителю...

- Я осмелился побеспокоить тебя в неурочный час, дабы сообщить, что лекарь-аррант, коего ты велел доставить во дворец, выехал из города вместе с Газахларом в Терентеги, - приступил к цели своего визита Амаша после произнесения положенных при обращении к императору приветствий и славословий. - Газахлар не внял моим намекам и не пожелал оставить своего домашнего лекаря в "Мраморном логове", и теперь, дабы залучить его во дворец, необходим указ, скрепленный твоей подписью и печатью.

Толстяк приблизился к столику, стоящему на краю бассейна, и протянул сидящему в кресле императору свиток, намотанный на специальную круглую палочку.

- И ради такой малости ты прервал доклад Чхолата? - Кешо насупился ещё больше, делая вид, будто не замечает протянутый ему начальником тайного сыска свиток. - Я ведь давно уже просил тебя пригласить, - он голосом выделил последнее слово, - исцелившего Газахлара лекаря ко мне. Но ты по каким-то причинам не торопился выполнить мое пожелание. Чем же теперь вызвана такая спешка?

- Мои люди должны были понаблюдать за Эврихом, прежде чем приглашать никому не известного врачевателя для излечения твоего... недуга. - Амаша опустил глаза, ибо знал, как болезненно реагирует император на все, что напоминает ему о неспособности иметь детей. - Ты сам согласился с тем, что убийце легче легкого проникнуть во дворец под видом лекаря, и ныне я хочу заполучить Газахларова исцелителя не для того, чтобы он оказал тебе помощь, а дабы задать ему несколько весьма щекотливых вопросов.

- Ага, - безучастно промолвил Кешо. - Удовлетворить твое любопытство, понятное дело, важнее, чем излечить мой... недуг. Но почему же ты не задал свои вопросы раньше, пока этот... как его... Эврих находился ещё в столице?

- Собственно говоря, Газахлар уехал из Города Тысячи Храмов дней пять или шесть назад. Я склонен был позволить событиям развиваться своим чередом и дожидаться его возвращения в Мванааке, однако этой ночью мне сообщили некоторые весьма любопытные подробности пребывания врачевателя-арранта в нашем городе...

Император прикрыл глаза, с трудом преодолевая желание рывкнуть на Душегуба, а то и запустить в его жирную, самодовольную рожу шкатулку с сухим мотылем. Омерзительная манера начальника имперского сыска говорить недомолвками и прежде бесила Кешо, теперь же ему показалось, что Амаша над ним попросту издевается. Зная, что его повелителю необходим толковый лекарь, он, словно нарочно, делает все возможное, дабы этот чудо-аррант не попал во дворец. А может, и правда - нарочно?

- Быть может, ты поделишься со мной столь сильно взволновавшими тебя подробностями жизни этого чужеземца? - проскрежетал он, стискивая подлокотники кресла и утешая себя тем, что когда-нибудь велит зашить Душегуба в мешок и, привязав к нему камень поувесистее, бросить в море.

- Охотно поделюсь, - отвечивал начальник тайного сыска, складывая пухлые короткопалые ручки на животе. - Исцеливший Газахлара аррант и сопровождавшие его телохранители напали на моих людей неподалеку от улицы Оракулов в тот самый миг, когда те схватили наконец Аль-Чориль, которую я, согласно твоему распоряжению, вот уже много лет тщетно разыскиваю по всей империи.

- Аль-Чориль... - эхом повторил Кешо. - Так, значит, Ильяс все же вернулся в столицу...

- Мои люди были убиты. Их пленница бежала, а Эврих завладел чингаком, который использовал, дабы обвести вокруг пальца настоятеля храма Мбо Мбелек.

- Аканума вздумал принести Неизъяснимому очередную человеческую жертву и был несказанно удивлен, обнаружив, что попавший в его лапы чужеземец является имперским подсылом? - предположил успевший справиться с первым потрясением Кешо и желчно рассмеялся. - Нет, этот аррант мне определенно нравится! Жалею, что я не встретился с ним до сих пор. Похоже, Белгони крепко о нем печется, и, быть может, он не отказался бы уступить мне малую толику своей удачливости.

- Не могу разделить твоего веселия, о несравненный. - Амаша приторно улыбнулся, и крохотные глазки его утонули в разливе щек. - Боюсь, мы имеем дело с заговором и аррант является хитроумным подсылом, способным доставить нам - да что я говорю, уже доставившим! - массу неприятностей. Посуди сам: он исцеляет Газахлара и лишь моими неусыпными заботами тотчас же не проник во дворец, где бы ему ничего не стоило напичкать тебя самыми смертоносными снадобьями. Он спасает Ильяс, прибывшую в столицу после длительного отсутствия, дабы разыскать оставшегося в живых сына, спрятанного невесть где её служанкой и имеющего, безусловно, больше прав на императорский престол, чем кто-либо. Дважды он пытается попасть в храм Мбо Мбелек, надеясь, вероятно, именно там найти след этой самой Мутамак и её воспитанника Ульчи. Якобы случайно он встречается с Эпиаром Рабием Даором, а тот, как мне доподлинно ведомо, связан был с Тразиём Пэтом, поговорить с коим я намерен, едва только его доставят в Мванааке.

- Вай-ваг! Тебя послушать, так против меня весь мир в заговоре, - с сомнением пробормотал Кешо. - Но зачем, спрашивается, этакие хитросплетения, если рано или поздно я все равно буду вынужден доверить свое драгоценное здоровье этому чудо-целителю? Ведь ежели я не

намерен умереть бездетным, мне, хочешь не хочешь, придется рискнуть...

- Чушь! Он не поможет тебе точно так же, как не помогли многие другие врачеватели, доставленные для тебя, втайне ото всех, моими людьми из Аррантиады, Саккарема и Халисуна. Позволь сказать тебе правду, о несравненный! Тебе не следует тешить себя несбыточными надеждами, - неожиданно жестко произнес Амаша. - В погоне за призрачным ты рискуешь потерять трон Мавуно. Вместе с жизнью, - чуть помолчав, добавил начальник тайного сыска. - Что же касается лекаря-арранта, то, кем бы подослан он ни был, ему скорее всего поручено не только умертвить тебя, но и позаботиться о том, чтобы трон твой занял девятилетний мальчишка, управлять которым умным советникам не составит особого труда.

- Хм... Слова твои не лишены смысла, - поднявшись из кресла, Кешо на мгновение завис над коротышкой Амашей подобно гигантскому изваянию из черного мрамора, а затем медленно двинулся вдоль бассейна, закинув руки за спину и чуть горбясь, то ли от невеселых мыслей, то ли из желания получше разглядеть медленно плавающих между замшелыми камнями красно-золотых рыбок.

Разговор с Амашей, как это ни странно, вернул его к тем самым вопросам, о которых он размышлял, слушая доклад секретаря. Девять лет его правления не пошли на пользу империи, и потому нет ничего странного в том, что жители её все чаще ропщут, вспоминая о законном наследнике престола. Провинции так и норовят отделиться и объявить о своей независимости, заговоры, сколько ни раскрывает их Амаша, зреют подобно нарывам на грязном, неухоженном теле, и конца этому не видать. А теперь ещё заговорщиков начали подкармливать и науськивать на него заморские правители, испуганные намерением Кешо поправить благосостояние Мавуно за счет их подданных. Но главное - Боги не поддерживают его начинания, не позволяя ему завести наследника. И это, право же, горшая из бед. Наверно, Душегуб прав, напрасно он уповал на исцелившего Газахлара чудо-врачевателя. Надеждам его и тут не суждено сбыться. Но если кто-то, прознав о его слабости, решил воспользоваться ею и с этой целью послал в Мванааке лекаря-арранта, то это была ошибка. Да-да, это был серьезный просчет, за который чудо-целителю придется заплатить очень и очень дорого...

- Где твой свиток? - сдавленным, свистящим от ярости голосом обратился император к начальнику тайного сыска. - Я желаю, чтобы подсыл из Аррантиады был доставлен во дворец немедленно. Я лично буду присутствовать на его допросах и, клянусь Черным посохом Белирона, на них он расскажет мне все, что знает, и даже то, о чем знать не может. А ты... ты получишь назад свой любимый перстень, потеря коего, судя по всему, немало способствовала раскрытию окутывающих арранта тайн.

- Этому сыну плешивой обезьяны не было нужды подстегивать мое рвение. В том, что он совершил подобную глупость, я вижу добрый знак. Белгони, как видно, отступилась от него, и скоро аррантский подсыл попадет к твоим заплечных дел мастерам. - Душегуб ослабил, собственноручно затепливая толстую свечу, дабы император мог скрепить подготовленный им указ печатью, приложив перстень с ониксовой инталией к красной восковой кляксе.

Путь, избранный Газахларом к Грозовой горе, у подножия которой ему надлежало встретить караван слонов, никто бы не назвал кратчайшей дорогой к цели. Более того, сверившись с картой, Эврих с удивлением обнаружил, что отряд их движется к месту назначения по длиннющей дуге, то ли как подкрадывающийся к жертве с подветренной стороны хищник, то ли как преступник, старательно огибающий место совершенного некогда злодеяния. Вместо того чтобы отправиться из Мванааке прямо на юго-запад, они ехали по левому берегу Гвадиары до слияния её с Уллой и лишь оттуда, двигаясь вдоль притока великой реки, свернули в сторону Слоновых гор, подернутые дымкой вершины которых и в самом деле

напоминали, по словам Тартунга, серо-голубые спины толстокожих великанов.

Причины, побудившие Газахлара избрать столь непростой путь к Грозовой горе, стали очевидны Эвриху в первые же дни путешествия. Из разговоров императорского советника "по снабжению армии" со старостами деревень и старейшинами родов он понял, что тот надумал совместить выполнение полученного им от Кешо задания с устройством собственных дел. Очень может статься, что и поручение доставить специально обученных боевых слонов в столицу империи он выхлопотал себе, чтобы иметь возможность беспрепятственно проехать по землям других оксаров и заключить ряд не слишком законных, но весьма выгодных сделок с теми, кто призван был оберегать их добро.

Лучшая часть земель Мавуно принадлежала Небожителям, и обитатели их должны были платить владельцам определенный налог; кто мог - деньгами, а все прочие - чем богаты: козами, коровами, овцами, рисом, просом, шкурами, глиняной посудой или калебасами, древесиной или же вяленой рыбой. Обычно у рачительных хозяев после уплаты налога оставался какой-то излишек продуктов для продажи, и Газахлар готов был приобрести его по цене несколько большей, чем предлагали другие землевладельцы. Кроме того, испокон веку с юга Мономатаны на другие материки поставлялись всевозможные пряности, и их-то предприимчивый оксар желал скупить по дешевке у местных жителей, которые рады были избавиться от залежалого товара, упавшего в цене с тех самых пор, как Кешо запретил иноземным кораблям входить в береговые воды Мавуно.

Судя по развитой им бурной деятельности, Газахлар твердо решил восстановить свои доходы, изрядно сократившиеся за время его долгой болезни. Однако какое применение он может найти корневищам имбиря, корице, рыльцам цветков шафрана, мускатному ореху, соцветиям и листьям шалфея, горошинам и стручкам всевозможного вида перцев, ежели даже торговцы ими едва сводят ныне концы с концами? Вряд ли Газахлар собирался получить у Кешо разрешение на торговлю с иноземцами - куплей-продажей Небожители отродясь не занимались, во всяком случае открыто. Разве что пронюхал при дворе о грядущих переменах, но что кроме смерти императора могло предотвратить близящуюся войну с Саккаремом, во время коей всем, ясное дело, будет не до пряностей?

Хитроумные планы Газахлара не слишком, впрочем, занимали арранта, донельзя довольного тем, что ему, несмотря ни на что, удалось уговорить хозяина "Мраморного логова" взять его с собой в это удивительное путешествие. Сколь ни великолепен, сколь ни величественен был Город Тысячи Храмов, он являлся всего лишь частичкой империи, объединявшей сотни племен с интереснейшими и разнообразнейшими обычаями и верованиями. Не мог он, например, оставаясь в столице, познакомиться с рисоводами и охотниками на обезьян, лесорубами, добывавшими маронговое дерево, высоко ценившееся во всех уголках как Нижнего, так и Верхнего миров. Не узнал бы ничего и о племени ландоями, выращивавшем вместо проса или риса водоросли, которые он вместе с забиравшимися по горло в воду детьми драл со дна реки. Сорванную темно-зеленого ядовитого оттенка речную траву они сваливали в кучи, из которых женщины выбирали побеги подлиннее, растягивали космами на деревянных рамах и сушили. После чего толкли и пекли из зеленоватой, пахнущей илом муки солоноватые лепешки, считавшиеся причиной сказочного долголетия ландоями...

Вряд ли увидел бы Эврих и древние деньги меорэ, секрет изготовления которых, как это ни странно, сохранился в крохотной, забытой всеми Богами деревеньке. В ней доживал свои дни старый Эням, который специально для любознательного лекаря-арранта расплавил кусок серебра, бросил в раскаленный металл несколько муравьев и, указав на вздувшийся на его поверхности пузырь, показал два старых овальных слитка, помеченных точно такими же

пузырями. Оказывается, пузыри эти как раз и удостоверяли то, что называемые когда-то меорэ "лодками", фаллического, на взгляд Эвриха, вида, слитки являются целиком серебряными, а не покрытыми тонким слоем драгоценного металла медяшками...

Чем дальше уходили путники от столицы, тем удивительнее казались Эвриху жизнь и обычаи встреченных им людей. Они не знали гончарного круга, но готовили изумительное сортовое пиво; пользовались для шитья иглами из рыбьих костей и изготавливали из волокон торговой пальмы ткани невероятной прочности и красоты. Большинству обитателей прибрежных деревень Город Тысячи Храмов, находившийся от них в каких-нибудь пяти-шести днях пути, представлялся местом далеким, непонятным и недобрим, и, если бы не Гжемп, общаться с ними Эвриху было бы непросто. Не раз бывавший в этом краю змеелов легко находил с ними общий язык и хотя поначалу сам сторонился арранта, узнав его получше, проникся к нему симпатией и оказал немало услуг, а теперь вот даже согласился взять на охоту за ндаггами.

Еще дня три-четыре назад из этой затеи ничего бы не вышло: Хамдан и Аджам ни за что не позволили бы домашнему лекарю и секретарю Газахлара принять участие в столь опасном развлечении. Но упрямый аррант успел с начала путешествия так досадить владельцу "Мраморного логова" своими возмущенными воплями о "несносной опеке", что тот, махнув рукой, велел телохранителям оставить Эвриха в покое, позволив ему самостоятельно заботиться о собственной безопасности.

- Вот ведь чудак! В Мванааке глаз им велел с тебя не спускать, а тут раздобрился: делай что пожелаешь, гуляй где хочешь! - возмутился Газахларовой непоследовательности Тартунг. - Как будто здешние леса безопаснее императорских садов!

Пожав плечами, Эврих сообщил юноше, что два умелых и глубоко преданных Газахлару телохранителя приставлены были к нему не столько с тем, чтобы охранять, сколько для того, чтобы не позволить сбежать. Здесь же следить за ним, в общем-то, незачем - добраться отсюда в одиночку до столицы будет труднее, чем улизнуть из-под надзора Хамдана с Аджамом, бродя по Городу Тысячи Храмов, что, кстати сказать, он не раз и проделывал.

- А ты что, хочешь сбежать? - спросил Тартунг, проявляя чудеса проницательности, и, не дожидаясь ответа, продолжал: - Только почему же "в одиночку"? Вместе, вдвоем в Мванааке пробираться будем, ежели надумаешь. Не так уж это и трудно. Я вот когда от пепонго бежал...

Эврих изумленно поднял бровь. Злокозненный и скрытный парнишка ни разу не заговаривал с ним о том, что ему пришлось пережить после того, как он попал в плен к захватившим земли его племени карликам, но тот уже прикусил язык и заканчивать начатую фразу явно не собирался.

- Ну что ж, вдвоем так вдвоем, - покладисто согласился аррант.

На том состоявшийся давеча у вечернего костра разговор и завершился. Эврих не спросил Тартунга, каким ветром его занесло в Город Тысячи Храмов, а парень не приставал к нему с расспросами, чего ради и как скоро тот намерен пуститься в бега.

И правильно поступил, поскольку о том, когда разумнее всего будет покинуть Газахларову компанию, аррант ещё и сам не решил. В том, что рано или поздно это надобно будет сделать, у него не возникало ни малейших сомнений, но время для этого ещё не пришло. Ведь только благодаря хозяину "Мраморного логова" ему удалось проникнуть в глубь Южного континента, и было бы совершенно непростительно упустить открывшуюся перед ним возможность узнать как можно больше об этом диковинном крае. В бесчисленных рукописях блистательного

Силиона встречалось множество его описаний, однако доверия они не вызывали, ибо, являясь пересказами историй, случившихся якобы с побывавшими там некогда людьми, слишком уж смахивали на небылицы...

- Эй, не зевай! - окликнул Эвриха Гжемп. Выдолбленная из древесного ствола лодка ткнулась в низкий берег безымянного островка, и змеелов первым выскочил на землю. Аррант последовал за ним, прихватив переметную суму, запасной мешок из плотной ткани и длинную палку с рогаткой на конце.

Наслушавшись рассказов Гжемпа об охоте на ндагг - едва ли не самых страшных и распространенных в Мономатане змей, Эврих желал во что бы то ни стало собственными глазами увидеть змеелова за работой. Сам он, разумеется, не собирался ловить ядовитых гадин, но Гжемп настоял, чтобы его спутник должным образом подготовился к предстоящей охоте - раздобыл штаны и сапоги, после чего вручил ему собственноручно вырезанную рогульку - на случай, как он выразился, непредвиденных обстоятельств. И сейчас, шагая вслед за змееловом по высокой росистой траве, Эврих испытывал к нему чувство глубокой признательности. У него не было оснований сомневаться в утверждении Гжемпа, что ндагги никогда не нападают первыми, и все же непривычное одеяние добавляло ему бодрости и уверенности в благополучном исходе затеянного предприятия.

Что же касается самого змеелова, то он, присмотрев небольшую, окруженную невысоким кустарником полянку, начал выдирать и вытаптывать на ней траву с самым будничным видом. Уроженец Мванааке, он, как это ни странно, не разделял ни почтения, которое жители столицы питали к кобрам, гадюкам, мамбам и ндаггам, ни ненависти и страха, с которыми относились к змеям саккаремцы, халисунцы и другие живущие севернее Мономатаны народы. Большая часть обитателей империи, с коими доводилось встречаться арранту, твердо верили, что все без исключения ядовитые змеи созданы были Тахмаангом на заре времен, дабы карать людей за дурные поступки. Они считали, что появление змеи в доме приносит удачу, и Эврих не раз видел мисочки с молоком, оставленные на ночь у крылечек хижин и особняков. Убийство змеи являлось в их глазах серьезным проступком, и потому Гжемпу приходилось работать тайно. Пусть даже он не убивал змей, а всего лишь держал в неволе ради получения яда - для глубоко верующих и этого оказалось бы достаточным, чтобы разнести его жилище, а самого змеелова предать лютой смерти.

Расчистив от травы круг диаметром локтей семь-восемь, Гжемп вытер руки о штаны и, поглядев на проглянувшее из-за облаков солнце, удовлетворенно промолвил:

- Ждать придется недолго. Ндагги скоро ползут из кустов. Они любят погреться на солнышке. Главное - не шевелись, иначе спугнешь моих кормилиц.

Змеи глухи, и Гжемп, застыв с палкой в руках и мешком у пояса, говорил не понижая голоса. Он явно не верил, что его "кормилицы" выполняют на земле очистительную миссию, и в первый же день знакомства объяснил Эвриху, что научился своему ремеслу от отца, который, происходя из племени урару, был свободен от бытующих в столице предрассудков. Всю жизнь он поставлял змеиный яд лекарям и магам и, считая занятие это достаточно доходным и безопасным, завещал сыну продолжать свое дело. Семейство змееловов процветало до происшедшего в империи лет десять назад избиения колдунов и врачей-лечителей, после чего заказчиков у Гжемпа и его отца сильно поубавилось. Тогда-то им и пришлось искать покупателей для своего необычного товара за пределами империи. Сделать это было непросто, и тут им помог бывший Газахларов домашний лекарь - Уруб, ведший переписку со своими коллегами из Аскула, Аланиола и Халы - столицы Кидоты. Со времени захвата Аскула имперскими войсками отношения Мавуно с Аррантиадой испортились точно так же, как перед

этим с Кидотой и Афираэну, престарелый змеелов умер, но Гжемпу все же удавалось каким-то образом сбывать высушенный и специальным образом обработанный змеиный яд чужеземным покупателям. С возвращением же Уруба в "Мраморное логово" он посчитал нужным увеличить число годных для "дойки" яда "кормилиц", живущих в его доме, и с помощью старого знакомого заручился позволением Газахлара примкнуть к его отряду.

Исцеленный Эврихом оксар безусловно знал, чем зарабатывает себе на пропитание Гжемп, но по каким-то причинам обещал ему свое покровительство, так что сопровождавшие его воины хотя и косились в сторону змеелова неодобрительно, чувствам своим воли не давали. Не совсем понятным оставалось Эвриху, зачем владельцу "Мраморного логова" терпеть подле себя Гжемпа. Бескорыстием он не отличался и определенно рассчитывал с этого что-то получить. И аррант, пожалуй, догадывался даже, что именно. Коль скоро Газахлар закупал специи, которые не мог продать с барышом в самой империи, значит, были у него замыслы начать торговать с чужеземными купцами, связаться с коими он надеялся через Гжемпа. Стало быть, хитроумному оксару придется иметь дело с контрабандистами, которые, вероятно, за известное вознаграждение взялись бы переправить Эвриха за границы империи. Пока, впрочем, это были лишь предположения, ибо заговаривать на эту тему со змееловом и тем паче с Газахларом аррант считал преждевременным.

Выглянувшее из-за облаков солнце начало ощутимо пригревать, и внимательно оглядывавшийся по сторонам Гжемп внезапно двинулся к ближайшим кустам, покрытым мелкими белыми ягодами. Не спускавший с него глаз Эврих не заметил решительно ничего подозрительного, не услышал ни единого шороха в том месте, куда бросился змеелов. Гжемп ударил длинной палкой по траве, и в то же мгновение в вытоптаный им круг выметнулась пестрая, металлически взблескивающая ндагга длиной два с половиной, а то и три локтя. Ожидавший чего-то подобного аррант невольно попятился, но опаснейшая змея, яд которой, по мнению Гжемпа, был раз в пять сильнее, чем у кобры, вовсе не собиралась нападать. Напротив, она тотчас попробовала скрыться в высокой густой траве. Змеелов ловко подцепил её палкой, заставляя вернуться в круг, и тут Эврих стал свидетелем удивительного парного танца человека со змеей, показавшегося бы ему презабавнейшим, когда бы он не знал, что яда, содержащегося в иглообразных зубах ндагги, хватит, чтобы умертвить двести овец, а погибает укушенный ею почти мгновенно.

Не обращая внимания на недвижимого, как изваяние, арранта, зеленовато-фиолетовая змея некоторое время безуспешно пыталась удрать, а затем, разъярившись, принялась кидаться на Гжемпа. Собираясь петлями, она бросалась на него подобно пущенному из пращи камню, и всякий раз Эврих мысленно содрогался, полагая, что уж теперь-то ядовитая гадина наверняка достанет отважного охотника. Но сухощавый и тщедушный, ничем не примечательный внешне мужчина лет сорока - сорока пяти неизменно, почти неуловимым движением уходил из-под удара, заставляя арранта вспомнить Волкодава. Палка Гжемпа с кожаным ремешком на конце и идущим от него шнурком раз за разом взвивалась и опускалась, однако все старания змеелова пленить ндаггу оканчивались пока неудачей.

Танцую на цыпочках вокруг извивающейся и изворачивающейся, грозно шипящей змеи, он словно играючи удерживал её в вытоптанном кругу и в конце концов накиннул-таки на шею ндагги петлю. Как это у него получилось, Эврих, правда, так и не разглядел - все произошло слишком быстро: очередной бросок змеи, взмах палки, и вот уже голова смертоносной твари прижата к земле, сверкающая в солнечных лучах лента живого металла несколько потускнела и приобрела цвет остывающей стали. Треугольная, похожая на наконечник копья голова её как будто раскололась - неукротенная гадина распахнула пасть, обнажив ядовитые зубы, узкий раздвоенный язычок затрепетал быстро-быстро, и Эврих почувствовал себя очень и очень

неуютно, хотя самое страшное осталось вроде бы позади.

- Попалась, кормилица! - присаживаясь на корточки и чуть задыхаясь, ласково пробормотал Гжемп. Протянув руку, ухватил ндаггу за голову, крепко сдавил затылочную часть указательным и большим пальцами и сдернул ременную петлю. Поднявшись, быстрым движением сунул змею в сорванный с пояса мешок, одновременно встряхнув его так, что ндагга провалилась на самое дно.

- Ну вот, слава Амгуну Щедрому, первая за сегодняшний день добыча! - Гжемп вновь опустился на корточки, затягивая веревкой горловину мешка. - Обычно я дою моих кормилиц по приходе домой, им ведь надобно остыть после пляски. Да и яд заготовливать - та ещё морока. Однако здесь этим придется заняться нынче же, тогда, глядишь, у кормилиц моих к возвращению в Мванааке новая порция яда накопится.

- И часто ты этих тварей доишь? - спросил Эврих, видя, что неразговорчивый обычно змеелов, разогревшись во время схватки с ндаггой, не прочь поболтать и выплеснуть в разговоре накопившееся напряжение.

- Раз в две седмицы, ежели змеи в расцвете сил. Вай-ваг, если бы они плодились в неволе, а Кешо не рассорился со всеми соседями, я бы давно уже стал богачом! Обучил бы своему ремеслу сыновей, и зажили бы мы припеваючи. А так пришлось одного гончару в ученики отдать, другого в мастерскую по изготовлению бумаги пристроить. Отец мой, веришь ли, первый додумался змей дома для дойки держать. И неплохо было зажил. Ведь вот на этих островах, к примеру, их ловить не переловить, и особенного ухода они за собой не требуют. Ну ладно, доставайка склянку, пора нам с пленницы нашей первую мзду получить.

Порывшись в висящей на боку сумке, Эврих вытащил склянку с затянутым пергаментом горлом, в то время как Гжемп нащупывал через ткань мешка голову змеи.

- Как это ты не страшишься, что она тебя ужалит? Хотя бы перчатки какие-нибудь смастерил, - проворчал аррант, с беспокойством наблюдая за действиями змеелова.

- Этого-то как раз бояться нечего. Они кусаются, только когда видят противника, - беззаботно ответил Гжемп, вытаскивая ндаггу из мешка.

Держа склянку в левой руке, а голову змеи в правой, он слегка сжал её и, когда ндагга, скользнув по Эвриху холодным взглядом, раскрыла пасть, притиснул ядовитые зубы пленницы к пергаментной крышке. Ндагга издала возмущенное шипение, попробовала вывернуть голову и, не преуспев в этом, пронзила острыми зубами тонкий пергамент. Аррант с любопытством придвинулся поближе, чтобы лучше видеть, как крупные капли белого, как молоко, яда стекают на дно склянки.

- Неужто никогда тебя эти гадины не кусали? Трудно ведь не зазеваться и быть все время начеку, ежели имеешь с ними дело с раннего детства? - Эврих уже задавал этот вопрос змеелову, и тот отвечал отрицательно, но на этот раз, сунув ндаггу обратно в мешок, с усмешкой произнес:

- Конечно, кусали!

- Только не говори мне, что у тебя есть некий волшебный оберег, доставшийся тебе в наследство от отца! - взмолился аррант, заметив, что Гжемп колеблется между тем, сказать ли ему правду или же подшутить над доверчивым чужестранцем.

- Правду? Ну хорошо. В племени урару, как рассказывал мне отец, люди не боятся ни кобр, ни гадюк, ни мамб, ни даже ндагг. Еще до того, как их дети начинают ходить, им делают небольшие ранки и втирают в них сок кальялы, смешанный с высушенным ядом разных змей. Так повторяется через каждое новолуние ровно шесть раз, после чего никакие змеи становятся им уже не страшны. Помнится, однажды кобра, сбежав из ящика, укусила моего спящего отца в лицо. Он три дня ничего не видел, не мог ни говорить, ни двигать шеей, а потом все прошло. Не знаю, отделался бы он так же легко, если бы его ужалила ндагга, но, думаю, зрения бы все же не потерял.

- Так, значит, и ты... - начал пораженный его словами Эврих.

- Естественно, отец позаботился о том, чтобы я мог стать настоящим охотником на змей. - Гжемп поднялся на ноги, привесил мешок с плененной ндаггой к поясу и со вздохом добавил: - Я тоже защитил своих сыновей так, как это делают живущие в Красных песках урару, вот только вряд ли это им пригодится...

Эврих спрятал склянку с ядом в сумку, с которой не расставался во время путешествия ни на миг, потянулся к увенчанной рогаткой палке и услышал негромкое предупреждение:

- Замри! К нам пожаловала ещё одна гостья. Мы верно выбрали день, охота и впрямь будет удачной.

Когда висевший над вершинами Слоновых гор солнечный диск переместился на запад, туда, где раскинулись земли пепонго, Гжемп заявил, что им пора возвращаться в деревню. Полдюжины упрятанных в большой мешок змей - это очень хороший улов для одного дня охоты.

- Дальше я с вами не пойду, - сообщил он Эвриху, направляя долбленку при помощи длинного шеста в протоку между низкими островами. - Лучшего места для лова мне не найти, да и хватит уже испытывать терпение Газахларовых спутников.

- Жаль. Я надеялся, что ты дойдешь с нами до подножия гор или хотя бы до Жженой долины, - разочарованно протянул аррант.

- Голубое озеро и окружающие его земли принадлежат племени ранталук, и тамошние жители не слишком жалуют чужаков. На большой отряд они напасть не посмеют, а меня, когда я буду возвращаться в Мванааке, вполне способны подстеречь, дабы сделать из моей головы очинаку. Не зря на берегу озера построена крепостица, обитатели которой, к слову сказать, могут оказаться для меня опаснее ранталуков. Достаточно им проведать о том, что я промышляю ловлей змей, и неприятностей ни мне, ни Газахлару будет не обернуться.

- А не боишься в одиночку возвращаться в столицу? Хотя ты тут, кажется, в каждой деревушке желанный гость... - Эврих поднял шест, любясь россыпью зеленых островов, словно плывущих по течению уподобившейся небольшому озеру Уллы. В засушливые годы здесь образовывалось топкое, непроходимое болото, а в сезон дождей островки исчезали под водой, делая эти места непригодными для жилья.

Обитатели деревни, в которой Газахлар распорядился устроить дневку, ставили дома на сваи и занимались в основном охотой на птиц и рыболовством. Добывали они и крокодилов, чьи покрытые гребнями спины и чуть выступавшие из темной воды морды аррант несколько раз замечал в протоках. Мясо гигантских пресмыкающихся местные жители ели лишь в голодные годы, а шкурами расплачивались со сборщиками налогов и заезжими торговцами не часто

забиравшимися сюда, поскольку по-настоящему плодородные и богатые земли лежали значительно восточнее. Эврих, впрочем, полагал, что главная причина редкого появления здесь купцов заключалась в обилии мелей и порогов на Улле, делавших её непроходимой даже для мелкосидящих в воде суденышек. В отличие от Гвадиары и множества её правобережных притоков, являвшихся естественной сетью водных дорог, пронизывающей всю центральную часть империи подобно кровеносным сосудам, по Улле даже сплав леса считался делом малоприбыльным, хоть как-то оправдывающим себя лишь в нижнем её течении.

- Я столько раз бывал здесь ещё с отцом, что местные успели привыкнуть ко мне, - ответил после некоторого молчания Гжемп. - Ты верно заметил: я вез немало подарков для своих старых знакомцев, и, соблазнившись ими, какой-нибудь негодяй мог бы напасть на меня, дабы ограбить в начале пути. Но когда я буду возвращаться, единственным моим грузом будут ндагги, а уж на них-то вряд ли кто позарится. Вообще же я чувствую себя здесь в большей безопасности, нежели в Городе Тысячи Храмов. Иное дело - земли ранталуков. После Страшных времен все в их жизни перемешалось, и они, отказавшись от многих обычаев, перестали отличать добро от зла. Ну да что об этом говорить, доберешься до Голубого озера, сам все увидишь.

Истории о так называемых Страшных временах арранту приходилось слышать и прежде, хотя на жизнь обитателей Мванааке разразившийся лет двадцать пять - тридцать назад на юге Мономатаны мор почти не повлиял, и упоминали они о нем не часто. Пострадали от него в основном скотоводы Красной степи, которую после морового поветрия стали называть Красной пустыней или Красными песками.

Бедствие это началось с небывалой засухи, после чего непонятная болезнь принялась косить скот, а затем и людей. Мор уничтожал целые племена, заставляя другие сниматься с насиженных мест и откочевывать на север. Уцелевшие, но лишившиеся скота - основного своего достояния и чуть ли не единственного средства пропитания люди, вторгаясь на земли соседей, вынуждены были вступать с ними в кровопролитные стычки, и чем дальше на юг продвигался отряд Газахлара, тем чаще Эврих слышал о Страшных временах - периоде, длившемся без малого десять лет и весьма способствовавшем тому, что император Бульдонэ почти без боя расширил границы Мавуно до Полуденного моря. Невиданный доселе мор ослабил военную мощь южных народов, так что имперские войска, по существу, не встретили сопротивления на своем пути. Справедливости ради надо отметить, что пользы им от захваченных, обезлюдивших земель было не много. После мора, поразившего буйволов, антилоп, коров, лошадей, ослов, коз, овец и прочих травоядных, катастрофически расплодились шакалы, гиены и грифы, поедавшие трупы людей и животных. Когда мор пошел на спад, огромные стаи пожирателей падали начали нападать на чудом уцелевшие стада и скотоводов, и лишь Великому Духу ведомо, чем бы все это кончилось, если бы болезнь в конце концов не перекинулась на охотников за мертвечиной, в результате чего Красная степь и вовсе опустела.

В начале Страшных времен племя урару бежало на север, а отец Гжемпа добрался аж до Города Тысячи Храмов. Тогда же ранталуки достигли Голубого озера, а жившие раньше на его берегах племена рассеялись по лесам в окрестностях Уллы.

Рассказы о Страшных временах навели Эвриха на воспоминания о моровом поветрии, охватившем Саккарем примерно в то время, когда в Мванааке взялись истреблять колдунов. Мор унес четверть населения цветущей страны и, выйдя за её пределы начал поражать обитателей Халисуна, Арран-тиады и даже Западных островов. Болезнь эта, как было доподлинно известно арранту, вызвана была верховными служителями Богов-Близнецов, желавших во что бы то ни стало приобщить "язычников" к "истинной вере". Обладавшие

исключительно действенным лекарством ученики Божественных Близнецов самоотверженно боролись с мором, не подозревая о его причинах, но помимо них надежное средство от страшной болезни было найдено врачевателями Аррантиады и Халисуна, в связи с чем чудовищный план Гистунгура и его приспешников удался лишь отчасти и ожидаемых плодов не принес.

Эврих, однако, долгое время не мог уразуметь, как зародилась у них мысль о подобном злодеянии, и лишь услышав рассказы о Страшных временах, сообразил, что, вероятно, именно сообщения об обрушившемся на южную оконечность Мономатаны бедствии способствовали вызреванию в головах фанатиков с острова Толми столь дикого замысла. Причем скорее всего сведения о свирепствовавшем здесь море Гистунгур и его сообщники почерпнули из путевых заметок такого же, как сам Эврих, путешественника, писавшего их с самыми лучшими намерениями. К несчастью, злокозненные умы не стесняются использовать для достижения своих мерзких целей то, что создавалось для облегчения человеческого труда, исцеления людей и избавления от страданий...

- Смотри-ка, похоже, кто-то тут ещё охотится за твоими кормилицами! - удивленно воскликнул аррант, указывая на лодку-долбленку, приткнувшуюся у одного из самых крупных островков.

- О нет! Если здесь кто и охотится, то только не за ндаггами! - запротестовал Гжемп.

- За кем же тогда? Ты ведь сам говорил, что кроме змей, мышей, ящериц и лягушек на этих островах никто не водится.

- Черепахи, птицы... - неуверенно промолвил змеелов и предложил: - Давай-ка подплывем поближе, высадимся и посмотрим, кто и для чего это местечко облюбовал.

Они дружно опустили шесты в воду, и узкое, верткое суденышко заскользило к островку. Невысокий тростник с шелестом расступился, и одолженная в прибрежной деревушке лодка замерла бок о бок с замеченной Эврихом долбленкой.

Гжемп выскочил на берег, аррант, перешагнув через мешок со змеями, устремился за ним. Будь он один, ему бы и в голову не пришло мешать незнакомому охотнику, но ежели змеелов полагает, что появление их не вызовет ничьего праведного гнева... Любопытно было бы знать, на кого кроме змей здесь можно охотиться, ведь сами-то они за весь день только птичьи гнезда среди травы и видели. Разве что мальчишки яйца собирать отправились? Так не сезон вроде, вылупились уже птенцы...

Змеелов двигался легкой, летящей походкой, не сминая траву, не касаясь веток кустов, не производя ни малейшего шума. Старавшийся, следуя его примеру, передвигаться неслышно, Эврих тотчас же отстал и сумел догнать Гжемпа, только когда тот остановился, наблюдая за происходящим на вытоптанной от травы поляне - точь-в-точь такой, какую сам он подготавливал для ловли змей.

- Тартунг?! - беззвучно прошептал аррант, едва не вскрикнув от удивления при виде чернокожего парня, приплясывающего перед злобно шипящей ндаггой с теми же ужимками, что и Гжемп. - О, безмозглый шалопаи! И зачем только я взял его с собой? Знал ведь, что держать его подле себя ещё опаснее, чем приручать скорпиона!

- Тес! Мальчик-мангуст знает, как обмануть ндаггу! Я взял бы его в помощники - он не только смел, но и ловок, - чуть слышно прошептал Гжемп.

Оба они застыли, опасаясь издать звук, сделать движение, которое, будучи замечено Тартунгом, отвлекло бы его внимание от битвы со змеей.

"Если уцелеет, отправлю его в Мванааке с Гжемпом!" - твердо пообещал себе Эврих, любуясь точными движениями парня, палка которого, подобно волшебному жезлу, раз за разом отбрасывала атакующую ндаггу, а затем пригвоздила её к земле.

- Отлично сработано! - громко воскликнул змеелов, выходя из-за служившего ему укрытием куста на поляну. - Надеюсь, ты не убил эту красавицу?

- А, Гжемп! Не сердись, что я забрался в твои охотничьи уголья? - спросил парень, с трудом переводя дух и смахивая тыльной стороной ладони катящийся со лба пот.

- Зачем сердиться? Змей хватит на всех, если не убивать их без пользы.

- Я не убивал. Я отпускаю их после дойки, как делают это пепонго.

- Лучше бы ты складывал их в мешок, а потом отдал мне. Я дал бы тебе за каждую кормилицу по дакку.

- И за эту дашь?

- Дам, коли ты ей хребет не сломал.

- Вот уж не знал, что ты обучен охоте на змей! - Эвриху хотелось отвесить парню пару увесистых оплеух и как следует оттрепать за уши, но он заставил себя разжать стиснутые кулаки и говорить спокойно и дружелюбно. В конце концов, он сам снял с Тартунга рабский ошейник, и в пятнадцать лет здешние мальчишки, если им удастся пройти посвящение, считаются мужчинами, обладающими теми же обязанностями и правами, что и их отцы.

- Я и не хотел, чтобы кто-нибудь знал, чем я занимаюсь, - с улыбкой отвечивал Тартунг. - Никто меня этому не обучал, просто я не раз видел, как охотились за змеями проклятые карлики.

- Ну а теперь скажи мне ради Наама и Тахмаанга, зачем тебе понадобилось ловить и доить ндагг? - поинтересовался аррант, догадываясь уже, какой ответ услышит от легкомысленного юнца.

- Чтобы изготовить стрелы для кванге - духовой трубки, которыми пользуются мибу, пепонго и другие племена, живущие на границах империи.

- Ага... - пробормотал Эврих, с содроганием глядя на извивающуюся у обнаженных ног юноши змею. - Ну хорошо, закончи свои дела с этой зверушкой, а уж потом мы поговорим с тобой о... Одним словом, поговорим.

- Да ты говори-говори, это мне ничуть не мешает. - Тартунг нагнул и ловко ухватил плененную змею за шею.

- Погоди-ка, так ты что же, умеешь приготавливать из яда ндагг тот самый смертоносный состав, которым пепонго мажут наконечники своих стрел? - спросил Гжемп, глядя на парня с нескрываемым удивлением и восхищением. - Насколько я знаю, рецепт его держится в секрете всеми без исключения племенами, и надобно пройти специальные обряды и испытания, чтобы быть допущенным в круг посвященных.

- Или же обладать даром видеть и слышать то, что тебе не положено! - проворчал Эврих, с некоторым усилием принуждая себя смотреть, как Тартунг выдаивает из змеи яд в вынутую из складок саронга скляночку, позаимствованную из его корзины с лекарствами.

- Ежели человек держит глаза и уши открытыми, то порой может обойтись безо всяких испытаний и посвящений. Особенно если он раб, которому никогда в жизни не откроют секрет изготовления хирлы. Можешь забирать эту тварь, она мне больше не нужна. - Парень протянул выдоенную змею Гжемпу, и тот осторожно перехватил её двумя пальцами у основания черепа.

- И много ты их успел поймать за сегодня?

- Это пятая, - не без гордости ответил Тартунг, и Эврих подумал, что надо бы спросить, втирали ли ему в детстве яд, который должен был оберегать его от змеиных укусов в будущем. Но не спросил, вовремя вспомнив рассказ Узитави о том, как пепонго погубили колдунов племени мибу, напустив ндагг в святилище Наама. Нет, этого парня определенно надобно выдрать и отправить в Мванааке вместе с Гжемпом. То, что он не стремится в поселок траоре, дабы встретиться там со своей матерью и старшей сестрой, - это его дело, но ему-то, Эвриху, зачем такой слуга, помощник или товарищ, за которым глаз да глаз нужен?

- Пятая? Вай-вай! Мог ведь и сам заработать, и меня от лишних хлопот избавить, - укоризненно поцокал языком Гжемп.

- Да нет, правильно он не хотел, чтобы наши спутники о его талантах прознали. Вряд ли им понравится мальчишка с кванге в руках, - заступился за парня аррант.

- А тебе? Тебе, я вижу, это тоже не по душе? - испытующе уставился на Эвриха Тартунг. - Но ведь ни меча, ни кинжала ты для меня у Газахлара не выпросил? И не купил. А если тебе... Если нам туго придется? Здесь не Мванааке, и кочевники либо лесные бродяги здорово посмеются, глядя на твой чудодейственный амулет с изображением священного дерева.

- На что тебе меч, если ты его отродясь в руках не держал? - не глядя на упрямо поджавшего губы мальчишку, промолвил Эврих и направился к оставленным на берегу долбленкам.

Спорить и выяснять отношения с Тартунгом в присутствии змеелова он не собирался. К тому же следовало признать - по-своему парень, безусловно, прав: свободному человеку надлежит иметь оружие, чтобы защищать свою жизнь и честь, а также всех тех, кого он любит. Так стоит ли удивляться и сердиться на то, что Тартунг решил сам о себе позаботиться, не слишком полагаясь на придурковатого арранта, прекраснодушие коего может стоить жизни им обоим? Да и не о себе, если уж на то пошло, хотел он позаботиться, а о нем. Отсылать его за это в Мванааке будет черной неблагодарностью, не говоря уже о том, что вряд ли из этого что-либо получится. Переупрямить Тартунга ему явно не по силам, не стоит в очередной раз и пробовать. Оба они вечно суют нос куда не надо, и лучше будет, пожалуй, похвалить парня вместо того, чтобы устраивать ему выволочку. Смириться с его присутствием, разузнать, как эта самая хирла варится и научиться заодно пользоваться кванге. В джунглях Душегубов чингак едва ли их выручит - попробуй-ка предьяви его леопарду или крокодилу. И кинжал парню надобно достать да обучить в цель метать, как Хрис когда-то его самого учил. Не бог весть какое умение, а при случае добрую службу сослужить может...

- Шел бы ты отсюда к общему костру, - недовольно проворчал Тартунг, помешивая булькающее в горшке варево длинным, аккуратнo очищенным от коры прутиком. - Хватится тебя Газахлар, отправит Хамдана с Аджамом на поиски, не избежать тогда расспросов.

Эврих промычал что-то неопределенное, и склонившийся над огнем парень раздраженно

передернул плечами:

- Все, что хотел, ты уже узнал и ничего интересного больше не увидишь. Буду теперь воду выпаривать, пока содержимое горшка в сметанообразную массу не превратится. На что тут, спрашивается смотреть? Ступай, ради Тахмаанга, не дыши в затылок занятому человеку!

- Экий ты ворчун! И откуда бы у тебя вдруг такому избытку здравого смысла взяться? - буркнул аррант, но, признавая справедливость Тартунговых слов, продолжать заведомо безнадежный спор не стал и зашагал прочь от разведенного в яме костерка в сторону деревни.

Мальчишка был прав, удалившись для изготовления хирлы подальше от любопытных глаз. Эвриха в самом деле могли начать разыскивать, ибо все уже привыкли, что каждый вечер он располагался возле костра, внимательно слушал сказки, правдивые истории и песни, делая время от времени какие-то пометки на разложенных на коленях листах толстой дешевой, желтоватого цвета бумаги. Иногда и сам он что-нибудь рассказывал или же пел, искусно подыгрывая себе на старенькой дибуне.

В этот раз у разложенного, как водится, посреди маленькой деревенской площади костра собралось дюжины полторы человек: селяне и Газахларовы воины, медлившие разбредаться по хижинам и отходить ко сну, несмотря на то что тьма уже окутала землю и на небе высыпали крупные ясные звезды.

- Эврих, где ты бродишь? - окликнул Аджам вышедшего на площадь арранта. - Иди сюда, послушай, как Пацалат вещает про живущую в Красной степи змеерыбу. Всякое я слышал, но чтобы рыбы или змеи под землей ползали и песком питались - такое даже у бесстыжих чохышей язык вымолвить не повернется!

- Разве я говорил, что гогосергал роет под землей ходы и ест песок? - удивился улыбчивый деревенский паренёк в плетеной из травы юбочке, с высоченной прической, уложенной из густо смазанных жиром волос.

- Говорил, все слышали! - недружно загомонили сидящие вокруг мужчины.

- Да нет же! Отродясь в Красных песках не бывал и врать о тамошней жизни не буду. А вот шел я как-то в большую сушь к Голубому озеру и встретил по дороге женщин из племени кукусат, ловивших змеерыб в пересохшем русле Уллы.

- Так в воде ловили или в земле? - нетерпеливо уточнил кто-то, пока Эврих усаживался на свободное место у костра.

- В иле. Улла в тот год совсем пересохла, и женщины, идя по руслу её, даже ног не замочили. Они тоже шли к Голубому озеру с бурдюками для воды. И все время высматривали что-то под ногами, а я поначалу не мог понять, чего они ищут. Потом гляжу, одна нагибается и длинным ножом вырубает из сухой грязи высокий такой брусок. Срезает с него верхушку, с дырой посередине. А брусок этот внутри пустой и сырой. Женщина хихикает, глянь, говорит, кто-то там шевелится! Переворачивает взрезанный брусок, и из него вылетает и шлепается на потрескавшуюся от жары землю премерзкая тварь. Извивается и шипит, как змея, вот только не ползет, а подпрыгивает. - Пацалат показал рукой, как подпрыгивал гогосергал, прежде чем женщина отсекла ему голову и сунула добычу в заплечную корзину.

Слушая про похожую на угря рыбу, которая во время засухи роет в вязком иле нору и засыпает в ней до наступления сезона дождей, пришедшие с Газахларом воины недоверчиво качали

головами, но один из деревенских стариков, вступившись за рассказчика, подтвердил, что в верховьях Уллы действительно водится такое существо. Кожа его выделяет много слизи, которая, застывая коркой, склеивает ил, и вокруг гогосергала образуется что-то вроде кокона или скорлупы. А дышит диковинная тварь через выходящую на поверхность дыру, через которую залезала в нору. По этим-то дырам в сухом иле их и обнаруживают новоявленные рыболовы.

- Вам так же трудно поверить в гогосергала, как многим моим соплеменникам - в существование каменных домов, самые большие из которых превышают размерами нашу деревню, - миролюбиво обратился старик к Серекану и ещё нескольким молодым воинам, продолжавшим утверждать, что их разыгрывают. - Послушайте-ка лучше, какая история произошла из-за недоверия в нашей деревне в дни моей юности.

Глядя, как весело заблестели маленькие, утонувшие в морщинах стариковские глазки, Эврих приготовился услышать нечто забавное и пожалел, что не захватил с собой чернила и бумагу для заметок. Рассказанные у вечернего костра байки быстро забывались за дневными заботами, а между тем некоторые из них стоили того, чтобы он включил их в свои "Дополнения" к Салегриновым "Описаниям стран и земель".

- Еще не так давно люди из далекого и славного Города Тысячи Храмов редко появлялись в этих местах. Они предпочитали добираться до Голубого озера неведомыми нам дорогами, по которым ослы и волы могли тащить тяжело нагруженные телеги, которые я не раз видел в Озерной крепости. И если мы хотели наменять на крокодильи шкуры или перья пестрых птиц соль или хорошие железные ножи, нам приходилось отправляться либо к Голубому озеру, либо к слиянию Уллы с Великой рекой - Матерью рек, - называемой вами Гвадиа-рой. - Старик огладил куцую, состоящую из дюжины волосков бородку, которую, судя по всему, считал лучшим своим украшением и, неодобрительно посмотрев на Газахларовых воинов, весело обменивающихся мнениями по поводу товарищей, слишком рано вернувшихся со свидания, на которое их якобы пригласили здешние девицы, продолжал;

- И вот однажды Куцара - мой дядя по матери, вернувшись от слияния Уллы с Гвадиарой, привез с собой очень дорогую, никогда прежде не виданную в наших краях вещь - маленькое зеркало, сделанное из чудесного серебристого стекла. Он отдал за него все, что повез на обмен, и очень им дорожил. Ему страшно нравилось открывать плетеную корзиночку и смотреться в дивное стекло, которое он почитал величайшим сокровищем. Так оно и было, ибо потом у нас появились зеркала из бронзы и меди, но такого ясного и чистого - стеклянного - никто из нас с тех пор не видал.

- Ой, не томи, старик! - поторопил рассказчика Аджам. - Ты дело сказывай, а то пока солнышко взойдет, роса очи выест.

- Так я и говорю: никому не доверил своей тайны Куцара. То ли боялся, что все будут просить у него посмотреться в волшебное стекло и разобьют его, то ли опасался, что главный колдун заберет зеркало себе, дабы увеличить силу вещего танца. Но, как бы то ни было, никому он о нем ни словечком не обмолвился, а сам так часто украдкой посматривал в него, что заметила это жена Куцары. Выбрала время, когда не было его поблизости, и заглянула в заветную корзиночку. Увидела в зеркале молодую красивую женщину и заплакала: "Купил Куцара новую жену на торгу и прячет в колдовской корзинке! Весь день она отдыхает, пока я не покладая рук тружусь, а ночью, когда я с ног от усталости падаю и засыпаю, ублажает его!"

Рассказчик сделал паузу, и слушатели вежливо заулыбались.

- Услышала жалобы Куцаровой жены его мать, прибежала, заглянула в корзиночку и как завопит:

"Это ещё что за старая карга! Уж коли притащилась в мою хижину со своей дочкой, изволь вылезать и работать, у нас тут каждая пара рук на счету!" Голос у матери моего дяди был такой, что его и на том берегу Уллы услышишь. Вот и услышал её отец Куцары, взобрался по лесенке в дом, заглянул в корзинку и, почтительно поклонившись хмурому морщинистому старцу, произнес: "Пожалуй в наш дом, уважаемый. Недостойно поступил мой сын, утаивая от нас новых родичей, да и вашему семейству тесновато небось в маленькой корзине, даже если она и волшебная".

Старик из зеркала промолчал, и отец Куцары хотел повторить свое любезное предложение, ведь новый его родич был богат годами и вполне мог оказаться тугим на ухо, но тут в корзинку заглянул сын моего дядюшки. Увидел идущий поперек лба тарачившегося на него из зеркала мальчишки шрам, означавший, что тот первый ребенок от первой жены и с криком: "Вор! Самозванец!" - ударил его в лицо зажатым в кулаке наконечником гарпуна, который обтачивал, сидя в тени хижины.

Зеркало разлетелось вдребезги. Куцара очень из-за этого убивался, но ему некого было винить в случившемся кроме себя и своего недоверия. И тогда, чтобы загладить вину перед соплеменниками, он раздарил им все до единого осколки чудесного зеркала. - С этими словами рассказчик указал на висящее у себя на шее ожерелье из изящно обточенных позвонков крокодила, в один из которых был вставлен крохотный осколок зеркала, изрядно помутневшего и потемневшего от времени и влаги.

- А я бы хотел послушать Гжемпа, - вызывающе поглядывая на Эвриха, произнес Серекан, когда сидящие у костра отсмеялись и в наступившей тишине стало отчетливо слышно, как потрескивают раскаленные уголья. - Как смеет он ловить змей, созданных Тахмаангом на погибель грабителям, ворам и клятвопреступникам?

Поскольку натрудившийся за день змеелов давно ушел спать в хижину одного из своих старинных знакомцев, Серекану никто не ответил, и он с обличающим выражением лица ткнул пальцем в сторону арранта:

- Нынче ты охотился вместе с ним за ндаггамв. Так, может, тебе есть что сказать в его и свое оправдание?

Оправдываться перед безусым наглецом у Эвриха не было никакого желания, но оставить его выпад без ответа он тоже не мог. Ежели таких задир время от времени не одергивать, они запросто на шею сядут и много пакостей натворят. Да и собравшихся у костра негоже разочаровывать, ведь даже те из них, кто присоединился к Газахлару по распоряжению императора, начали привыкать, что у арранта всегда сыщется в запасе смешная или поучительная история и слов для разумного ответа он за море искать не поплывет.

- Оправдываться мне перед тобой вроде бы не к чему - невелик кулик, - лениво протянул Эврих, окидывая Серекана нарочито оценивающим взглядом. - Однако ежели ответишь на мой вопрос, так и я скажу, почему не вижу в ловле змей ничего кошунственного.

- Ну спрашивай, - милостиво разрешил юнец, прямо-таки раздуваясь от гордости и не замечая, как Аджам с Хамданом и другие знавшие Эвриха ещё по "Мраморному логову" воины перемигиваются и обмениваются понимающими взглядами.

- Позволь узнать, где, по-твоему, больше клятвопреступников, воров и убийц: в Городе Тысячи Храмов или в здешних лесах?

Серекан был не настолько глуп, чтобы торопиться с ответом, но сидящие у костра и не собирались его дожидаться.

- Конечно, в столице! У нас вор на воре, грабитель на грабителе! Каждый лавочник, каждый трактирщик только о том и мечтает, как бы в чужой кошель руку запустить! - зашумели они, и Эврих с сокрушенным видом покачал головой.

- Да уж, с этим поспорить трудно. Но тогда почему змеи, ежи и впрямь созданы Тахмаангом, дабы карать злодеев, предпочитают жить в этой глуши, а не в Городе Тысячи Храмов?

- Те, которые здесь живут, просто от работы отлынивают! - крикнул кто-то с противоположной стороны костра, и аррант, радуясь вовремя поданной реплике, совершенно серьезно заявил:

- Ну так вот лентяек Гжемп и отлавливает, дабы напомнить другим об их долге!

Хотя Серекан смеялся вместе со всеми, брошенный им на Эвриха взгляд был полон неприкрытой злобы, и аррант подумал, что так вот, невзначай, люди и обзаводятся врагами, однако задерживаться на этой не слишком-то приятной мысли не стал.

- В разных странах - разные обычаи, разные верования. Причем каждый, разумеется, считает свою веру истинной. Если хотите, я расскажу вам легенду о змее и голубке, которую мне не раз доводилось слышать во время путешествия по Вечной Степи.

- Расскажи, расскажи! - раздалось сразу несколько голосов, и Эврих, отхлебнув из протянутой ему чаши, сделанной из половинки кокосового ореха, чуть хмельной, сладковатый напиток, начал рассказ:

- В приморских городах Фухэй, Умуката и Дриза, возведенных на восточном краю Вечной Степи ещё до Последней войны, издавна верили в то, что колокольный звон, предупреждавший горожан о приближении врага, способен также отгонять всевозможную нечисть и нежить. А кое-кого из слуг и приспешников Ночного Пастуха, коего считают тамошние жители прародителем мирового зла, звук колокола может и вовсе лишить жизни. Потому-то вешают в том краю колокола испокон веку не только на вершинах дозорных башен, но и в маленьких деревенских храмах. Кочующие по Вечной Степи скотоводы посмеиваются над верой в очистительную силу колокольного звона, ибо поклоняются другим богам, и все же, разграбляя прибрежные деревни, не осмеливаются разрушать чужие храмы и снимать звонкоголосые колокола. После ухода кочевников разоренные деревни обычно отстраиваются заново, но случается, если большая часть их жителей пала в неравном бою или была угнана лихими людьми в рабство, от богатого селения остается только стоящее на холме святилище, и лишь ветер с моря заставляет иногда висящий на его башне колокол звенеть тихо и печально...

- Этак ты нас всех, чего доброго, разрыдаться заставишь! - прервал Эвриха Жилоиз - приятель Серекана, выделявшийся среди других воинов обилием мускулов и полным отсутствием мозгов.
- Ты нам про змея да про голубку сказывай, а не про плачущие колокола!

- Дай срок, будет и про них, - пообещал аррант и, переждав, пока заинтересованные слушатели перестанут шикать на туповатого здоровяка, продолжал:

- Шел как-то берегом моря одинокий путник. Возвращался из плена в родную деревню, и только-то у него добра и было, что похищенный во время бегства от кочевников лук да колчан,

в котором с каждым днем становилось все меньше стрел. Даже имени он в плену лишился, получив вместо него кличку - Нань, что значит "добряк".

Долог был путь Наня, и здорово парень отощал. Удавалось ему иногда зайца или суслика подстрелить, а чаще съедобными кореньями, водорослями или ракушками приходилось пробавляться, ибо стрелы он берег. Но как ни береги, а настал момент, когда осталось их у него всего две, и тут-то он и увидел, как вьется с жалобным криком над дикой вишней голубка, а по стволу дерева змея к гнезду подбирается, дабы малых птенцов сожрать.

Жалко было расставаться Наню с предпоследней стрелой и все ж таки натянул он тетиву, прицелился и пригвоздил ею змею к дереву. Поглядел, как голубка, радостно воркуя, в гнездо к деткам своим опустилась, и побрел дальше. Высоко стрела его в ствол вонзилась, не достать ему её, не выдержат Наня тонкие ветви.

Долго ли коротко ли шел путник, но вот сумерки начали сгущаться, и пришлось ему заночевать у подножия холма, на котором стояло заброшенное святилище - все, что осталось от большого и богатого селения. Закутавшись в плащ, заснул он, и приснился ему скверный сон: будто кто-то душит его. С криком открыл он глаза и понял, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Громадный змей опутал его своими кольцами, а сидящая на соседнем дереве голубка напрасно кричала, стараясь предупредить Наня о смертельной опасности.

- О Великий Дух, - едва шевеля губами, прохрипел несчастный, - за что наслал ты на меня этого ужасного змея?

- Я выследил тебя и умертвлю за то, что ты убил мою жену! - ответил ему змей человеческим голосом.

- Ну что ж, поделом мне, - промолвил Нань и, закрыв глаза, приготовился к смерти, но тут змей, вместо того чтобы сжать свои страшные кольца, неожиданно распустил их и прошипел:

- Я должен тебя убить, но помилую, если выполнишь ты мое условие. Был я некогда злым и жестоким человеком. За это Великий Дух после смерти моей заключил мою душу в тело гигантского змея. Много столетий томится она в змеином теле, и суждено ей пребывать в нем до тех пор, пока в полночь не зазвонит ради меня храмовый колокол. Если хочешь сохранить жизнь, поспеши ударить в него, ибо времени до полуночи осталось мало.

Страх за себя и жалость к тому, кто столь страшно принужден был расплачиваться за совершенные злодеяния, заставили Наня пообещать змею, что он позвонит в колокол высящегося на холме храма. Едва освободившись от опутывавших его колец, он со всех ног бросился к древнему святилищу и, к ужасу своему, обнаружил, что ведущая на вершину деревянная лестница давно сгнила и обрушилась. В отчаянии Нань попытался вскарабкаться на колокольню по выщербленным от времени каменным стенам храма, но сорвался, не поднявшись и на десяток локтей. Снова и снова принимался он взбираться по каменным блокам, но тщетны были его усилия. А змей гневно шипел за его спиной, и жалобно вскрикивала кружившая над храмом голубка.

И тогда Нань вспомнил, что у него осталась ещё в колчане стрела. Одна-единственная, последняя. Обрадовавшись, он решил, что колокол зазвонит, если попасть в него железным наконечником. Пусть тихо, но зазвонит! Вскинув лук, Нань натянул тетиву, прицелился и метнул стрелу в колокол.

Змей замер, замер человек, и замолкла кружившая над храмом голубка. Густо прогудела тетива, свистнула стрела, но колокол не издал ни звука. То ли от волнения, то ли из-за темноты

промахнулся Нань. А змей за его спиной разинул пасть и яростно прошипел:

- Наступила полночь. Человек, готовься к смерти!

Бросился он на несчастного Наня, и в тот же миг где-то высоко-высоко, тонко, чуть слышно, коротко пропел свою светлую песню храмовый колокол.

И тотчас же с радостным возгласом исчез гигантский змей. Истаял, словно туман под жаркими солнечными лучами. Со вздохом облегчения опустился Нань на землю у подножия святилища, недоумевая, почему же зазвонил колокол. И долго бы пришлось ему гадать, если бы выглянувшая из-за туч луна не осветила лежащую подле его ног голубку с разбитой грудью. Тогда-то и догадался он, кто избавил его от неминуемой смерти, кто ценой собственной жизни заставил ровно в полночь запеть колокол старого храма...

Воцарившуюся у костра тишину нарушил Жилоиз, сырым голосом произнесший:

- Здорово горазд врать, аррант! Выдавил-таки слезу, негодяй!

С тех пор как возглавляемый Газахларом отряд миновал пригороды Мванааке, Эвриху казалось, как это часто случалось и прежде, что он вступил в новый период жизни, подведя под старым толстую жирную черту. Ощущение было приятным - такой же обновленной, вероятно, чувствует себя сменившая кожу змея. Длилась, однако, эта иллюзия недолго и нынешним утром окончательно развеялась. Причин тому было несколько, но все пустяковые, а вот поди ж ты - и тех оказалось достаточно, чтобы сердце защемило от тревожного непокоя.

Началось все с того, что проснулся он ранним утром в жарком поту, со слезами на глазах и неподъемной тяжестью на душе. Эврих редко помнил привидевшиеся ему сны, этот же продолжал стоять перед его внутренним взором даже после того, как он окунулся в прохладные воды Уллы и, разбудив Тартунга, попрыгал с мечом в руках, дабы освежить в памяти подзабывшиеся приемы и обучить юнца обращению с новым для него видом оружия. Купание и упражнения со специально вырезанными для этой цели деревянными мечами лишь чуть-чуть пригасили невесть с чего всплывшие из небытия картины сражения, происшедшего едва ли не два года назад, далеко-далеко, на границе Вечной Степи...

Снова, будто наяву, вздымались перед ним желто-красные утесы, похожие на странно искривленных, изломанных и застывших в невообразимых позах великанов, усеявшие пологий каменистый склон, по которому двигалась лавина повозок со сновавшими между ними верховыми. Вновь преграждали им путь "стражи Врат", но теперь, уже зная о том, каким страшным оружием снабдил их Зачахар, аррант не смел надеяться, что хамбасы сумеют прорваться сквозь ряды Хурманчаковых воинов в Верхний мир. Ожидание неизбежного было, пожалуй, самым страшным, и он даже испытал что-то вроде облегчения, когда загрохотал наконец рукотворный гром Зачахаровых "куколок", воздух наполнился смрадным жирным дымом, предсмертным ржанием, криками боли и ужаса...

А ему-то мнилось, будто ничто уже не сможет выдрать из глубин памяти образы встающих на дыбы, взмыленных коней, летящих в небо ошметков тел, переворачивающихся и с хрустом разламывающихся повозок; никогда более не услышит он душераздирающего воя женщин и вторящих им огромных мохнатых псов. И что с того, что теперь он был не в центре побоища, а словно с высоты птичьего полета взирал на гигантский обоз, корчащийся от боли, исходящий криком, истекающий кровью подобно смертельно раненному зверю?..

Вероятно, сон этот был навеян Эвриху видом Жженой долины, скальные образования которой

имели отдаленное сходство с утесами, послужившими прикрытием Хурманчаковым воинам. Возможно, кошмары мучили его потому, что он перегрелся вчера на солнце, однако объяснения эти не помогли ему обрести душевного спокойствия, не избавили от чувства вины и одиночества, от сознания того, что делает он что-то не то и не так. Попробовав понять, что же его гнетет, аррант пришел к выводу, что не жалеет об отъезде из Города Тысячи Храмов и не скучает по Нжери. И не столько даже хочет вернуться в Верхний мир, встретиться с Тилорном, с друзьями и наставниками из Силиона, сколько увидеться с Кари или хотя бы узнать, как-то живется без него порывистой, смуглокожей степнячке, ради которой покинул он Беловодье и отправился в путешествие, оказавшееся значительно более трудным, долгим и опасным, чем ему представлялось.

Любопытно, что именно попытка разобраться в собственных чувствах помогла Эвриху вспомнить человека, мельком увиденного им при выезде из Мванааке и тогда же показавшегося ему смутно знакомым. Некоторое время аррант ломал себе голову, где встречал прежде этого пожилого бронзо-вокожего мужчину, и только сейчас сообразил: это же был Гаслан - слуга Иммамала, коему вымывал он ушные пробки перед тем, как на "Ласточку" напали сторожевики Кешо! Разумеется, встреча их могла быть случайной, но верилось в подобное стечение обстоятельств с трудом. Логичнее предположить, что посланец Мария Лаура не оставил мысли выполнить поручение саккаремского шада и так или иначе доставить в Мельсину чудо-лекаря.

Не то чтобы Эврих имел что-либо против Иммамала или же Мария Лаура, но излишнее внимание сильных мира сего к его скромной персоне настораживало, а слежка за ним Гаслана свидетельствовала о том, что, хочет он того или нет, крепкие нити продолжают надежно связывать прошлое, настоящее и грядущее. Слов нет, почувствовать себя заново родившимся, начавшим новую жизнь приятно, однако, выражаясь языком Гжемпа, ежели даже ндаггу нарядить в саронг, она все равно останется змеей.

Ту же самую мысль, отнюдь не в иносказательной форме, высказал и Тартунг, заявивший в ответ на его недоумение по поводу Газахларова решения объехать Жженую долину стороной: "Не думай, будто все завязавшиеся в столице узелки были разрублены нашим отъездом. Газахлар, я так понял, вызвался отправиться за слонами после того, как Хамдан сообщил ему, что видел Ильяс в городе. И, поразмыслив, я подумал: либо он желает встретиться с ней и пустился в путь, дабы она могла связаться с ним, не опасаясь соглядатаев Кешо, либо бежал из Мванааке из страха, что дочка явится в "Мраморное логово" сводить с ним старые счета. Выписываемые нами петли и зигзаги подтверждают мое последнее предположение, но, если дочка пошла в отца, мы ещё очень даже можем с ней встретиться. Да и Амаша вряд ли смирится с потерей такого замечательного изумруда". Парень бросил выразительный взгляд на роскошный перстень, украшавший левую руку арранта, и тот мысленно обругал себя безмозглым остолопом. Вот тебе и продолжатель трудов достославного Салегринна! Вот тебе и вольная пташка - нова кожа, да стара рожа!

Эврих понимал, что, если он и впрямь желает начать новую жизнь, им с Тартунгом надобно немедленно бежать в столицу или в любой прибрежный город. Оттуда на каком-нибудь совершающем каботажные плавания торговом или же рыбацьем судне парень доберется до Аскула, а там и до поселка траоре, в то время как сам он начнет разыскивать контрабандистов, готовых переправить его в Саккарем, Халисун или Аррантиаду. План этот имел лишь один изъян: арранту до смерти хотелось увидеть слонов - легендарных великанов, до встречи с которыми оставалось всего ничего - седмица, в худшем случае две. Ну как, скажите на милость, писать, что был в нескольких днях пути от этого чуда и не взглянул на могучих зверей, о которых рассказывают самые невообразимые и противоречивые истории? Плох купец, торгующий себе в убыток; оружейник, чьи мечи быстро тупятся и покрываются

зазубринами; лекарь, не умеющий облегчить страдания недужных, и горшечник, лепящий кривобокие крынки. Уж коли взялся за дело - делай его так, чтобы люди сказали: "Добрая работа!" А что после неё руки в мозолях или ноги в кровь стерты - кого это волнует?

Нет, о том, чтобы сбежать от Газахлара, не повидав слонов, нечего было и думать. Амаша, раз уж не велел своим людям тотчас схватить дерзкого ар-ранта, будет, надобно думать, поджидать его возвращения в Мванааке, а что касается Ильяс по прозвищу Аль-Чориль... О ней Эвриху хотелось узнать как можно больше, и едва ли для этого представится лучшая возможность, нежели во время путешествия. Кое о чем он успел расспросить перед отъездом обитателей "Мраморного логова", и услышанное взволновало его до глубины души. Оказывается, дочь Газахлара была женой Таанрета - одного из членов Триумvirата, родила мальчиков-близняшек, один из которых умер от сыпницы в возрасте пяти или шести лет, а второй пропал вместе с любимой служанкой Ильяс через несколько дней после рождения. Преданная собственным отцом, согласившаяся выйти замуж за Кешо ради освобождения Таанрета из узилища, вновь обманутая Газахларом и наконец бежавшая не то в Кидоту, не то в Афираэну, она, право же, заслуживала того, чтобы в очередной раз попытаться разговорить Хамдана. Из всего Газахларова отряда, он, не считая самого владельца "Мраморного логова", единственный знал её лично, вот только говорить на эту тему с аррантом решительно не желал. Более того, с некоторых пор бывший телохранитель стал явно сторониться Эвриха, к которому прежде относился вполне дружески. Вот и сейчас он поглядывал на арранта с нескрываемым подозрением, невзирая на то, что разговор тот начал с вопроса, не имеющего ни малейшего отношения к дочери Газахлара.

- Откуда мне знать, почему каждое утро над Голубым озером дует ветер? - нехотя процедил Хамдан, глядя в сторону зеленых предгорий, с которых они через день-два должны были увидеть долину ранталуков, Озерную крепость и само озеро. Он бывал здесь не единожды и не скрывал любви к этим местам, однако даже о них говорить с Эврихом почему-то не хотел. То ли обиду затаил, то ли боялся наговорить лишнего, памятуя о том, как исподволь умел вытягивать из собеседника интересующие его сведения простодушный с виду аррант.

Отряд, состоящий из двадцати пяти всадников и двух дюжин груженных ослов, растянулся длинной цепочкой по заросшим травой и мелким кустарником пологим холмам, переходившим на юго-западе в отроги Слоновых гор. В этот день Хамдан ехал замыкающим, и Эврих полагал, что более подходящего момента для откровенного разговора им ещё долго не представится. Тут, во всяком случае, он мог говорить то, что считал нужным, не опасаясь поставить собеседника в неловкое положение, и намерен был воспользоваться этим, даже рискуя показаться излишне навязчивым и назойливым.

- На мой взгляд, лучше быть обиженным, чем обидчиком, - произнес он, испытующе глядя на бывшего своего телохранителя. - Чем, сам того не желая и не подозревая о содеянном, огорчил я тебя до такой степени, что ты не хочешь говорить со мной ни о ранталуках, ни о погоде, ни о Голубом озере? Раньше, помнится, ты не считал для себя зазорным беседовать с чужеземцем о разных разностях и даже, как я слышал, был в числе утверждавших, что меня пригнал в "Мраморное логово" ветер удачи, посланный якобы Богиней счастья - Белгони.

Хамдан заворочался в седле, неприятно пораженный неожиданной прямоотой арранта.

Разговаривать им было не слишком удобно: Эврих ехал на приземистом сером ослике, и восседавший на крупном боевом коне телохранитель Газахлара возвышался над ним, как сторожевая башня над привратной караулкой. В связи с этим речь Эвриха, как он и рассчитывал, прозвучала несколько иронично - отдалвил, дескать, заяц волку лапу, а теперь

кается. В самом деле, если уж кто из них и имел причины обижаться, так это аррант. Ведь не кто иной, как Хамдан, скрыл от него, что они выручили из беды дочь Газахлара! Эврих, впрочем, тоже утаил от телохранителей найденный в кошеле одного из убитых людей Душегуба чингак, но Хамдан об этом не знал и, стало быть, дулся на него за что-то другое.

- До недавних пор я видел в тебе искусного целителя и любознательного чужеземца, уважительно относящегося к нашим нравам, верованиям и обычаям. Нынче же - ты сам начал этот разговор, так уж не взыщи за откровенность - у меня появились основания считать тебя саккаремским подсылком. А соглядатаев, чьи бы они ни были, не любит никто и нигде, - сухо промолвил телохранитель, стараясь не встречаться с Эврихом глазами, что было совсем не трудно.

- Я - саккаремский подсыл? - переспросил аррант с таким неподдельным изумлением, что Хамдан вынужден-таки был взглянуть на своего чудного собеседника.

- Над чем ты смеешься? Ни для кого не секрет, что Кешо собирается в ближайшее время напасть на Саккарем, и, значит, Город Тысячи Храмов должен кишеть соглядатаями Мария Лаура.

- Ну знаешь, это и называется валить с больной головы на здоровую! Уверен, что Мельсина действительно полна подсылами Кешо, но есть ли люди Мария Лаура в Мванааке - это ещё вопрос, - сказал Эврих, отсмеявшись, и уже без тени улыбки на лице продолжал, вспомнив про Иммамала и его слугу: - Готов допустить, что кто-нибудь из осведомителей шада послан был в Город Тысячи Храмов - собственно говоря, иначе и быть не может - ни один государственный муж не откажется знать, что делается в соседней державе, особенно столь воинственной и могущественной, как Мавуно. Но я, да будет тебе ведомо, никогда не бывал в Саккареме и не понимаю, кто и зачем возвел на меня такую чудовищную напраслину. Хотя погоди-ка, это, верно, Мфано сочинил обо мне очередную небылицу!

- Бывший лекарь Газахлара, лишившийся из-за тебя работы, тут ни при чем. Я знаю: он многократно пытался тебя оклеветать, но о том, что ты служишь Марию Лауру, я слышал из других уст.

- Вот как? Не оскудела, знать, здешняя земля злопыхателями, - с горечью промолвил аррант. Он не сомневался, что горе-лекари, коим перебежал он дорогу, будут и впредь стремиться опорочить чужеземца-соперника, но никак не предполагал, что досужим вымыслом их поверит человек, следивший буквально за каждым его шагом и знавший лучше других обитателей империи. - Кто же оболгал меня на этот раз?

- Шарван. Капитан "Верволики", коему порочить тебя нету никакой корысти, - ответил Хамдан, явно страдая оттого, что ему приходится обличать собеседника, к коему он до недавнего времени относился с величайшей приязнью и уважением.

- Не понимаю, - проворчал Эврих потерянно, - почему Шарван назвал меня саккаремским подсылком? И как ты мог этому поверить?

- Ненавижу лицемеров! И до сих пор не могу взять в толк, почему Газахлар, услышав рассказ Шарвана, не отослал тебя во дворец, дабы не обвинил его Амаша в укрывательстве и содействии заморскому доглядчику. Быть может, у него есть на тебя какие-то виды или же благодарность за исцеление не позволяет выдать врачевателя палачам. Но, как бы то ни было, я бы на твоём месте скрылся на первом же привале, дабы не испытывать нашего терпения и не вводить ни его, ни меня в искуc.

- Так я, возможно, и сделаю, - задумчиво пробормотал аррант, начиная догадываться, откуда ветер дует. - Но только после того, как ты расскажешь, что же все-таки открыл вам капитан "Верволики". Он что, наведывался в "Мраморное логово" перед самым нашим отъездом?

- Да, и от души сожалел, что привел тебя в особняк, навлекши тем самым на его владельца опасность неизмеримо большую, чем недуг, от коего ты избавил Газахлара.

- Едва ли Газахлар разделяет твое мнение, - покачал головой Эврих. - Поведай же мне наконец, чем подкрепил Шарван свое ни с чем не сообразное обвинение.

- Изволь. - Лицо Хамдана исказилось так, словно у него разом заболели все до единого зубы. - Ты часто упоминал, что года полтора назад путешествовал по Вечной Степи. А ныне в приморских городах и в Саккареме рассказывают байки о некоем арранте - лекаре и улигэрчи, странствовавшем в тех же местах в окружении не то трех, не то пяти влюбленных в него по уши женщин.

- Та-ак... - протянул Эврих, ощущая пустоту и холод под ложечкой. Значит, сон был вещим, и не ему одному памятливы грозившие великой бедой события, происшедшие в Вечной Степи. Кто бы, однако, мог подумать, что рассказ о них получит столь странное толкование и так быстро пересечет море...

- Ты можешь, конечно, возразить, сказав, что на свете немало странствующих аррантов, но, согласишься, купцы среди них встречаются не в пример чаще сказителей и врачей, в коих женщины, едва увидев, влюбляются без памяти. Хотя ты, как я гляжу, и не пытаешься ничего отрицать.

- Что именно должен я отрицать? - тихо, стараясь не давать воли чувствам, спросил Эврих.

- Если очистить истории о странствующем в окружении женщин арранте от шелухи, то получится, что он, втершись в доверие к Хозяину Вечной Степи, убил его верного советника и помощника - придворного мага, создавшего удивительное оружие, при помощи коего Энеруги Хурманчак объединил кочевников и намерен был покорить Саккарем, - на одном дыхании выпалил Хамдан. - Убийство мага и - главное - уничтожение запасов созданного им чудо-оружия привели к тому, что в ставке Хурманчака произошел дворцовый переворот. Хозяин Вечной Степи был зарезан своими приближенными, которые, передравшись между собой, растащили по клочкам созданное им государство.

- И все это совершил один человек - едущий рядом с тобой на ослике? Ничем не примечательный аррант, который у себя на родине не считается ни выдающимся лекарем, ни тем паче сколько-нибудь сносным певцом? - поинтересовался Эврих, дивясь тому, как людская молва переврала все происшедшее в Матибу-Тагале - возведенной Энеруги Хурманчаком столице Вечной Степи.

- Нет, все эти злодеяния совершил не скромный врачеватель и улигэрчи, а хитроумный саккаремский подсыл, коему, очень может статься, помогала целая армия соглядатаев и опытных убийц. А затем этот подсыл объявился в Городе Тысячи Храмов накануне вторжения войск императора Кешо в Саккарем. Нетрудно догадаться, что привело его сюда и чем окончится для империи пребывание ничем не примечательного внешне арранта в её столице.

Вспыхнувшая было в груди Эвриха ярость потухла, и он лишь криво усмехнулся, машинально коснувшись пальцами изуродовавшего левую щеку шрама, полученного им в день убийства Зачахара. Украдкой посмотрел, на месте ли традиционный тюрбан, защищавший голову его

собеседника от нещадно палящего солнца. Поправил свой собственный, дабы удостовериться, что его мозги ещё не сварились и это все ему не мерещится. Он немало читал о зрительных и слуховых галлюцинациях, но до сих пор Всеблагодой Отец Созидатель миловал его от подобных напастей. Морок на Хамдана в этом пустынном краю тоже насрать было некому, и оставалось предположить, что тот и впрямь верит всей той дичи, которую только что нес.

- Ты знаешь, почему Газахлар не отправил меня в дворцовые подземелья, дабы мною занялись тамошние палачи? - спросил аррант и, не дожидаясь ответа, объяснил: - Да потому, что сделал из услышанного от Шарвана совершенно иные выводы, чем ты. А теперь скажи, где сопровождающая меня армия соглядатаев и убийц? Припомни, изъявлял ли я когда-нибудь желание быть представленным Кешо или хотя бы взглянуть на него? И почему, ради Тахмаанга, Нгуры и Мбо Мбелек, ты называешь все, что я будто бы совершил в ставке Хурманчака, злодеяниями? Почему нападение кое-как сплоченной алчностью и страхом орды кочевников на мирных соседей ты считаешь поступком естественным и едва ли не благородным? Мне-то в душевной простоте мнилось, что, если бы я действительно послан был сюда Марием Лауром прикончить вашего Кешо и не позволить ему напасть на Саккарем, ты, будучи разумным человеком, должен был бы на меня молиться и превозносить как величайшего благодетеля империи. Ибо только одержимый жаждой власти и наживы или же тот, у кого голова вместо мозгов набита навозом вперемешку с соломой, может готовить войну, радоваться войне и воспевать это ужаснейшее из бедствий.

- Хорошо говоришь! - похвалил не на шутку разошедшегося арранта телохранитель. - А теперь ответь, ты и правда убил придворного мага и уничтожил все запасенное им для покорения Саккарема Огненное Волшебство?

"О, Великий Дух и Боги Небесной Горы! - в отчаянии подумал Эврих. - Как же объяснить, как передать ему словами чувства, испытанные мною, когда "стражи Врат" уничтожали при помощи этого самого волшебства племя хамбасов, чья вина заключалась лишь в том, что они, не желая идти под руку Хозяина Вечной Степи, собрались откочевать в Верхний мир?"

- Да, я убил Захахара. И сейчас покажу тебе почему.

Аррант сжал коленями бока Серого, заставляя его прижаться к коню Газахларова телохранителя. Он ещё толком не понимал, чего ради должен заставить Хамдана пережить то же, что довелось ему самому, но времени на раздумья не оставалось. Волна ярости, гнева и боли, поднимаясь из глубин его существа, требовала выхода, и он вдруг понял, каким этот выход должен быть.

- Дай мне руку! - потребовал Эврих. Поколебавшись, Хамдан протянул руку арранту. Эврих крепко сжал его запястье и распахнул свою память, дабы тот мог услышать и увидеть...

...Как пронзительно визжит Кари и мечутся раненые, растерявшиеся всадники, бестолково размахивая блистающими на солнце мечами. Как кричат обезумевшие, потерявшие седоков кони, налетая на повозки, топча женщин, стариков и детей. Как грохочет рукотворный, смертоносный гром и черный зловонный дым неотвратимо сгущается над обозом, выдавливает слезы из глаз, лезет в глотку, щиплет ноздри...

- Пусти! - Хамдан попытался вырвать руку, и по его перекошенному лицу Эврих понял, что тот слышал и видел то самое, что ему надлежало увидеть и услышать.

- Нет, погоди... - прошипел он, стискивая пальцы и чувствуя, как из-под зажмуренных век текут слезы, как дым от разорвавшихся Захахаровых "куколок" разрывает кашлем грудь...

...Повозка с изодраным тентом развернулась, и из неё выпрыгнула пожилая степнячка с крохотным, закутанным в овчину ребенком. Метнулась направо, едва не попав под копыта лихих всадников, которые с молодецкими воплями: "Кодай! Кодай Хурманчи!" - рубили всех оказавшихся на их пути; повернула налево и запнулась о колесо одной из множества подожженных повозок, пущенных "стражами Врат" по склону горы на обреченный обоз. Упала, выронив из рук заходящийся писком сверток. Привстала, потянулась за ним и тут же была втоптана в землю копытами коня, волочившего за собой хамбаса, у которого полностью отсутствовала верхняя часть черепа. Сверкнули оскаленные в мертвой улыбке зубы, чиркнула по земле рука, все ещё сжимавшая бесполезный против воинов, вооруженных Огненным Волшебством, меч. И вновь совсем рядом грянул рукотворный гром. Полыхнула алая вспышка, вздымая в небо окровавленные ошметки людских тел и обломки повозок...

- Надобно ли быть саккаремским подсылком, чтобы после всего этого не возненавидеть создателя Огненного Волшебства? - прокашлял Эврих, вытирая полый пропыленный плаща мокрое от пота и слез лицо. Сердце его гулко ухало, в ушах звенело, а окружающий мир виделся обесцвеченным, тускло-серым, начисто лишенным красок.

- Ты... Ты не просто лекарь. Ты великий колдун! - Голос у Хамдана был хриплым, испуганным и тоже каким-то странным, словно доносился до арранта откуда-то издалека.

- Верить ли ты все ещё в то, что я служу Марию Лауру и убил Захахара по его наущению?

- Нет. Ты сделал это по своей воле, ибо не мог поступить иначе. И я бы не хотел оказаться в твоей шкуре ни на день, ни на миг! Как можешь ты помнить и носить в себе все это? Я участвовал во многих битвах, но даже от собственных ран никогда не мучился так, как ты страдаешь от чужих...

- Хорошо. Я рад, что мы вновь стали добрыми товарищами, - промолвил Эврих, не чувствуя ничего, кроме усталости и безразличия ко всему на свете. Он прекрасно понимал, что рассказ капитана "Верволики" очень скоро дойдет до Амаши, и уж того-то никакими доводами не удастся убедить в том, что ему никогда не приходилось бывать в Саккареме и незачем было поступать на службу к тамошнему шаду. - А теперь не расскажешь ли ты мне о дующем каждое утро над Голубым озером ветре? И о дочери Газахлара, объявившейся в Городе Тысячи Храмов после девяти лет жизни на чужбине?..

Глава вторая.

Торжище

Зародившееся у Эвриха подозрение, что Газахлар хочет попасть в Озерную крепость к определенному сроку, крепло день ото дня, и он почти не удивился, увидев сотни шатров, разбитых на берегу Голубого озера, подле селения, окруженного невысокими стенами из дерева и необожженного кирпича. Хитроумный оксар, разумеется, знал о Великом Торжище, на которое ежегодно съезжаются перед началом сезона дождей едва ли не все племена, кочующие в окрестностях Голубого озера. На седмицу между ними устанавливается перемирие, необходимое для совершения торговых сделок, заключения брачных союзов и улаживания тех вопросов, которые они почему-либо не смогли решить с помощью оружия. А претензий друг к другу у сакхов, ранталуков и равранталуков, айгогов, мемфи и всех прочих было хоть отбавляй, чем Газахлар, судя по всему, рассчитывал воспользоваться для воплощения в жизнь своих далеко идущих планов.

Стяжательские замыслы владельца "Мраморного логова" не слишком интересовали Эвриха,

зато возможность ознакомиться с жизнью и обычаями едва ли не дюжины кочевых племен привела его в восторг. Это была редкостная удача, и, пробродив весь первый вечер между шатрами айогов, мемфи, ихорачей и кочевых ранталуков, он завел множество полезнейших знакомств и узнал массу интереснейших вещей, которые следовало включить в "Дополнения". Присаживаясь к чужим кострам, аррант услышал много любопытного, но ещё больше сведений надеялся почерпнуть, обойдя Торжище при свете дня, наблюдая за тем, чем обмениваются, что продают и покупают скотоводы и люди из окрестных селений, занимающиеся рыболовством, земледелием и охотой.

mir-knigi.org